

Пэй Цзинсин убрал копьё и скомандовал:

— Вставай.

Ли Лаодао, кряхтя и охая, поднялся с земли. Прижав к себе дрожащего от страха жёлтого пса и убедившись, что уличный посол не против, он боком отступил ему за спину.

— Пригляди за ним, — не оборачиваясь, бросил Пэй Цзинсин.

Опасаясь, что старик снова попытается сбежать, он поручил его заботам Су Яня. Сам он перехватил Копьё Драконьей головы и Тигриного клыка, уперев его тупым концом в землю, и взгляделся в дверной проём, где колыхался смутный силуэт.

— Генерал Шэнь, вы ли это? — громко спросил он.

— Он самый, — отозвался голос снаружи. Звучал он приглушённо, словно долетал издалека, но это, несомненно, был Шэнь Цунцзянь. — Уличный посол Пэй, раз преступник пойман, предоставь остальное мне. Ты трудился не покладая рук столько дней — ступай отдохни, выпишись как следует.

Заведя левую руку за спину, Пэй Цзинсин незаметно махнул ладонью, приказывая Су Яню увести даоса подальше, а сам звонко крикнул:

— Если это и впрямь вы, генерал Шэнь, отчего же не входите?

— Неужто уличный посол Пэй сомневается во мне?

С этими словами гость переступил порог. С виду — вылитый Шэнь Цунцзянь.

Однако в душу Пэй Цзинсина закралось сомнение. С тех пор как Шэнь Цунцзянь поручил ему дело о Полулицем призраке, он ни разу не интересовался ходом расследования. О том же, что они с Су Янем отправились ловить старого даоса Ли в Квартал Добродетельного Покоя, знали лишь они двое, маленький послушник из резиденции Государственного наставника да дежурный стражник с местного поста городской стражи.

Послушник, ясное дело, с генералом Шэнем знаком не был, а стражник и подавно в глаза его никогда не видел. С какой стати им обоим докладывать Шэнь Цунцзяню?

Мысль о том, что генерал тайно следит за ним, Пэй Цзинсин отмёл сразу. Шэнь Цунцзянь хоть порой и бывал невыносимо занудным — из тех, кто способен заговорить до смерти, — но в делах всегда отличался прямоотой. Пэй Цзинсин не давал поводов для недоверия, так к чему генералу опускаться до шпионажа?

И всё же стоящий перед ним человек двигался, говорил и выглядел в точности как Шэнь Цунцзянь. А о брате-близнеце генерала Пэй Цзинсин никогда не слышал.

— Уличный посол Пэй, чего ты ждёшь? Отдавай поганца, — поторопил его «генерал». — Полулицый призрак уже погубил шесть невинных душ, медлить нельзя!

«Вот оно!» — осенило его.

В деле о Полулицем призраке беглый Ли Лаодао был всего лишь мелкой сошкой, пешкой на доске. Чтобы ради него сам генерал Шэнь лично сорвался среди ночи? Слишком много чести.

Пэй Цзинсин резко вскинул Копьё Драконьей головы и Тигриного клыка и с силой ударил древком оземь. Металл отозвался гулким, похожим на тигриный рык звоном, и по стальному телу оружия пробежал багровый сполох.

Лицо фальшивого генерала мгновенно исказилось. Прямо между бровей пролегла глубокая трещина, стремительно расползаясь во все стороны. В мгновение ока облик «Шэнь Цунцзяня» раскололся, будто глиняная маска. Лоб разлетелся на десятки мелких чешуек, один глаз неестественно выкатился, а другой сузился, перерубленная переносица съехала набок, а искривлённый рот исторг поток зловонной слюны.

— Тварь! — выдохнул Пэй Цзинсин, окончательно убедившись в обмане. Он перехватил древко обеими руками и ринулся в атаку.

— Не захотел по-хорошему? Тогда ложись в землю! — взвыло чудовище. Поняв, что уловка раскрыта, оно в ярости бросилось навстречу оружию с голыми руками.

Пэй Цзинсин постигал ратное дело под началом великого генерала Чжан Фэйжана — признанного мастера, чья сокрушительная техника «Степного пожара» унесла жизни сотен врагов. К тому же юноша неплохо овладел и фамильным искусством боя своего рода. Объединив оба стиля, он нанёс удар такой силы, что, казалось, мог расколоть скалы и повернуть реки вспять.

Но враг встретил выпад раскрытой ладонью и намертво зажал остриё копейного наконечника. Чудовищная мощь позволила ему остановить этот сокрушительный удар одной левой.

Впрочем, уже в следующее мгновение тварь исторгла дикий вопль и резко отпрянула назад, непрерывно зализывая обожжённые пальцы.

Пэй Цзинсин, обладавший отменным зрением, при слабом мерцании звёзд успел рассмотреть покалеченную конечность. На руке чудища не было ни кожи, ни плоти — из тёмных рукавов торчали иссиня-чёрные кости. Пять неестественно длинных пальцев оканчивались когтями, а на фаланге безымянного вздулся уродливый нарост размером с перепелиное яйцо. Сквозь

полупрозрачную натянутую кожицу пузыря проглядывало нечто живое — оно мерзко копошилось внутри, силясь прорваться наружу.

Откуда взялась эта нечисть и как умудрилась перенять до мельчайших подробностей голос и облик генерала, уличный посол не ведал. Ясно было одно: кончать с ней нужно немедленно, пока тварь не выкинула новый фокус.

Озверев от боли, монстр зарычал. Запустив когти себе за шиворот, он без тени колебаний рванул вверх собственный позвоночник. Тот вышел с влажным хрустом. Враг встряхнул костяную плоть — позвонки со скрежетом сошлись один к одному, образовав зазубренный и смертоносный меч из позвоночника.

— Сдохни! — взывала тварь и, размахнувшись мечом из позвоночника, ринулась на пристава.

Пэй Цзинсин увернулся, резко подавшись в сторону, но противник умудрился на лету развернуться. Едва коснувшись земли костяной стопой, он вновь прыгнул на юношу.

Пэй Цзинсин вскинул оружие, и платиновый наконечник рассыпался веером ледяных искр в ночном полумраке. Золотые глаза на резной драконьей голове налились багрянцем. Рассекая воздух, копьё выписывало стремительные дуги, и этот свист ложился на слух грозным рокотом пикирующего дракона.

Раз за разом удары чудовища уходили в пустоту, разбиваясь о безупречную защиту уличного посла. В исступлении монстр подбросил меч из позвоночника вверх и резко развёл руки в стороны. Оружие рассыпалось прямо в воздухе. Десятки острых позвонков полетели в Пэй Цзинсина со всех сторон, выписывая немыслимые траектории, словно рой ядовитых жал.

Понимая, что это отчаянная попытка врага решить исход боя, пристав закрутил копьё над головой, создавая непробиваемый стальной щит.

Один за другим осколки костей с визгом бились о древко и наконечник, высекая искры, и рикошетом разлетались в темноту.

Но в разгар этой круговерти сквозь град костяных осколков прорвалось нечто тяжёлое. Пэй Цзинсин едва успел перехватить удар: противник, вырвав собственную бедренную кость, ринулся на него в коварном выпаде.

Поняв, что уловка не удалась, тварь оскалилась, разинув пустую, бездонно-чёрную пасть.

Разъярённый такой наглостью, уличный посол взмахнул копьём, силясь отбросить врага назад. Однако чудовище, пренебрегая ожогами, которые оставляло на его плоти священное оружие, мёртвой хваткой вцепилось в древко одной рукой, а второй занесло острый обломок бедра над грудью юноши.

Перед лицом самоубийственной атаки Пэй Цзинсину пришлось выпустить копьё. Перехватив рукоять висевшего на поясе Меча Хэн, он резким круговым движением полоснул монстра по шее.

Клинок рассёк лишь клубы жирного чёрного тумана. Противная человеческому естеству тварь мгновенно растворилась в зловонной дымке.

— Удрать вздумал? Не выйдет!

Пэй Цзинсин наступил тяжёлым сапогом на один из недолевших позвонков, который всё ещё катался и дёргался на земле, силясь вернуться к хозяину. Не обращая внимания на яростное сопротивление кости, он с размаху опустил меч, разрубив её надвое.

Из темноты неподалёку раздался захлёбывающийся крик боли. Подхватив с земли копьё, пристав резко замахнулся и метнул его на звук. Оружие со свистом рассекло ночной воздух и насквозь пробило невидимый силуэт, намертво пригвоздив его к дощатой стене дома.

Но стоило Пэй Цзинсину приблизиться с мечом наготове, как внутри распятого чудовища раздался жуткий, сухой треск. Будто невидимая исполинская длань принялась крушить сустав за суставом, перемалывая кости монстра в порошок.

Он не успел добежать. Обливающийся чёрной жижей монстр испустил последний истошный вопль и начал стремительно оседать, превращаясь в зловонную тёмную массу, стекавшую по багровому древку копья.

Грязная лужица быстро впиталась в иссохшую землю под стеной. Налетевший порыв ветра разогнал остатки пара, не оставив от твари и следа.

Уличный посол выдернул копьё и, обернувшись, крикнул:

— Эй, все целы?..

Фраза оборвалась на полуслове. Позади него никого не было. Ни Су Яня, ни старого даоси Ли, ни даже его паршивого жёлтого пса — все трое исчезли без следа.

В заброшенной усадьбе давно никто не жил, но вековые раскидистые платаны на заднем дворе зеленели на диво буйно. Из ниоткуда потянуло ледяным сквозняком. Тяжёлая, мёртвенная аура навалилась на плечи Су Яня, когда сухие листья платанов закружились перед его лицом безумным вихрем. В следующий миг силуэт Пэй Цзинсина с копьём наперевес растворился за колышущейся стеной листвы.

Су Янь нахмурился. Раздвигая плотную завесу кружащихся листьев в надежде окликнуть товарища, он внезапно натолкнулся взглядом на ослепительно красивое женское лицо.

Незнакомка была неописуемо хороша собой. Полупрозрачное алое одеяние облегло её точёную фигуру, выгодно подчёркивая белизну кожи. Окинув юного даоса оценивающим взглядом, она игриво прикрыла рот ладонью и рассмеялась:

— Шла прирезать дряхлого старикашку, а встретила такого пригожего юношу! Какая удачная выдалась ночь.

Су Янь быстро сложил пальцы в предзнаменовании, обнажил меч и, творя защитную печать, негромко запел заклинание:

— Оком небесным взираю, шаг за шагом за небом следую...

Красавица болезненно вскрикнула. На её точёной белой шее проступили глубокие, сочащиеся тьмой трещины.

— Молнии чистой подобно, свет изливаю на восемь пределов...

Нежные девичьи ладони обернулись костистыми когтями, а рот разорвался до самых ушей, обнажив частокол острых жёлтых клыков.

— Всё сокрытое обнажаю, зло всякое попираю. Повинуйся воле моей немедленно!

Ведьма истошно взывала. Кожа на ней лопалась лоскутами, обнажая прорастающие изнутри острые, как шиповник, белые костяные иглы.

— До чего же ты безжалостен, маленький даоси Су, — простонала она. Голос её, вопреки чудовищному облику, оставался манящим и сладким. Не видь Су Янь этого кошмара наяву, любой мужчина уже давно бы пал к её ногам.

Но Су Янь рос в уединении под присмотром строгого учителя и слыхом не слыхивал о любовных утехх. Речные девы и лисицы-оборотни до смерти боялись его наставника, так что соблазнять мальчишку никто из них не смел. В глазах юного даоса и старик, и девица были на одно лицо. Какой бы соблазнительной ни пыталась казаться эта тварь, для него она оставалась обыкновенной нечистью.

А раз перед ним злой дух — место ему в глазурированной жемчужине.

Поняв, что чары не действуют, ведьма преобразилась. Её нежное щебетание сменилось утробным хрипом:

— Прочь с дороги, не то разорву!

Резким взмахом когтистой лапы она сдёрнула с плеч алое покрывало. В полёте шёлк преобразился, обратившись в исполинскую красную змею, которая с шипением ринулась на юношу.

— Ох ты ж батюшки! — так и присел Ли Лаодао. Зажав ладонью глаза своему верному псу, сам он, напротив, вытупился на обнажённую ведьму, не в силах отвести взгляд.

Заметив похотливый взор старика, нечисть вновь заговорила медовым голоском:

— Что ты там разглядишь издалека, глупенький? Подойди поближе.

Утерев рукавом набежавшую слюну, даоси воспользовались тем, что Су Янь бьётся со змеёй и не может за ним уследить, и сделал несколько шагов вперёд, крепче прижимая к себе собаку.

Пока правая рука ведьмы направляла яростные атаки змеи на Су Яня, левой она манила старого даоси Ли, сладко приговаривая:

— Ну же, смелее. Рассмотрись меня получше.

Старик, не переставая пускать слюни, упрямо мотнул головой:

— Нет-нет, красавица, дурных нема. Шагну ближе — и костей не соберу.

Тогда ведьма небрежным жестом сбросила остатки шёлка, обнажив точёное плечо и белую, как нефрит, руку.

— Чего тебе бояться, глупец? Да если и сгинешь в моих объятиях — познаешь такое блаженство, что ни одному императору не снилось!

Мутные глаза старика масляно блеснули.

— Твоя правда, голубушка, твоя правда! — захихикал он.

Су Янь краем глаза заметил, что старик совсем потерял голову от чар. Резким взмахом меча он отрубил скользкий язык наседавшей змеи, оттолкнулся ногой от её чешуйчатого хребта и совершил стремительный прыжок, пытаясь перехватить даоса.

— Назад! — выкрикнул Су Янь, преграждая старику дорогу.

Не раздумывая, он прикусил большой палец и размашисто начертил кровью на лбу Ли Лаодао очищающий символ.

Но старик с неожиданной для его лет силой оттолкнул юношу и с весёлым гиканьем бросился напрямик к раскинувшей руки ведьме.

Даоси хотел было броситься следом, но хозяйка змеи сделала пасс ладонью — и её чешуйчатый слуга вытянулся в воздухе струной, нацелив острую морду прямо в горло юноше.

Пришлось Су Яню разворачиваться и принимать удар на клинок. Пользуясь заминкой, Ли Лаодао, прижимая к груди лохматого пса, резво бежал навстречу своей гибели.

Видя, что добыча сама идёт в руки, ведьма торжествующе рассмеялась:

— Ну же, иди ко мне, почтенный!

— Иду, моя ягодка, бегу! — приплясывая на ходу, откликнулся старик.

Но когда между ними оставалось от силы три шага, Ли Лаодао внезапно переменялся в лице. Он свирепо рывкнул и изо всей силы швырнул вперёд своего жёлтого пса.

Паршивый жёлтый кобель вмиг растерял всю свою трусость. Издав яростный, глухой рык, он взлетел в воздух и мёртвой хваткой вцепился ведьме в плечо. Его когтистые лапы замелькали перед лицом нечисти, раздирая бледную кожу, пока один из когтей с влажным хрустом не выколол твари левый глаз.

Завыв от нестерпимой боли, ведьма попыталась отодрать от себя разъярённое животное, но чем сильнее она тянула его за загривок, тем глубже пёс вонзал острые клыки в её плоть.

Истекая чёрной кровью, ведьма закричала и сделала судорожный пасс правой рукой. Красный змей, терзавший Су Яня, мгновенно развернулся и ринулся на выручку хозяйке, целясь пастью в собаку.

Но Су Янь не упустил момент. Извернувшись, он мёртвой хваткой вцепился змею в хвост и быстро зашептал заклятие. На стальном лезвии меча вспыхнуло яростное пламя. Одним выверенным движением даоси полоснул по чешуе — и сноп искр веером взлетел к небесам, стремительно распространяясь по змеиному телу от кончика хвоста до самой макушки.

Взлетев на пылающий хребет твари, юноша пробежал по её кольцам до самой уязвимой точки у основания головы. Перехватив рукоять обеими руками, он со всей силы вонзил горящий клинок глубоко в плоть чудовища.

Змей забился в предсмертных судорогах, свиваясь тугими кольцами и пытаясь сбросить наездника, но Су Янь стоял непоколебимо, сжимая рукоять меча мёртвой хваткой.

Спустя мгновение агония прекратилась. Из раны хлынула густая чёрная жижа, а огромное тело змея начало стремительно усыхать, пока не превратилось в крошечную огненную ленту размером с человеческий палец.

Коротким взмахом клинка Су Янь разрубил этот жалкий уголёк пополам.

В тот же миг ведьма испустила протяжный, леденящий душу стон и рухнула на землю, лишившись последних сил.

Су Янь достал из-за пазухи глазурованную жемчужину, намереваясь запечатать ослабленного духа, но старый даоси Ли оказался быстрее. Выхватив из широкого рукава пожелтевшую бумажную полоску, он ловко шлёпнул её прямо на лоб поверженной ведьме.

— Послушай старого дурака, малец, — хмуро пробормотал Ли Лаодао, покосившись на жемчужину в руках юноши. — С этой безделушкой ухо держи востро. Будешь часто пускать её в ход — со временем сам превратишься в такое же убожество, как я.

Су Янь нахмурился, не понимая, к чему клонит хитрый старик, но спорить не стал и послушно спрятал артефакт обратно в мешочек.

Ли Лаодао не стал дожидаться ответа. Оглядевшись по сторонам, он озабоченно спросил:

— А уличный посол Пэй куда запропастился, не ведаешь?

Су Янь коротко кивнул:

— Его затянуло в морок.

Достав свежую закликательную полоску, он бережно прижал её к эфесу и не торопясь провёл по всей длине лезвия. Чёрная кровь нечисти на металле мгновенно вспыхнула чистым синим пламенем. Окружающее пространство дрогнуло: не выдержав жара этого священного огня, невидимая пелена иллюзии прогорела, явив небольшую брешь.

По ту сторону прорехи виднелся точно такой же заброшенный двор, вот только посреди него, растерянно озираясь по сторонам, метался Пэй Цзинсин.

Старый даоси Ли прищурился, заглядывая в горящий пролом через плечо юноши.

— Батюшки, уличный посол Пэй! — завопил он во всё горло. — Скорее сюда, вылезайте из этой чертовщины!

Услышав крик, Пэй Цзинсин бросился к сияющему разлому, и Су Янь, протянув руку, крепко ухватил его за предплечье и единым рывком вытащил наружу.

Почувствовав под ногами твёрдую землю и увидев над головой настоящее звёздное небо, Пэй Цзинсин перевёл дух. Он посмотрел на невозмутимого Су Яня и тихо, с облегчением выдохнул.

<http://bllate.org/book/18419/1779536>